

Было 10:10 и сорок девять секунд, когда я умер.

Надеюсь, Флер умерла так же быстро.

СУДЬБА

Я очнулся от сна - сна, того самого сна - и повернулся, чтобы выглянуть в окно над кроватью, как делал всегда, желая поймать первые лучи солнечного света, проникающие в мою обновленную жизнь.

Только что-то было не так - сон был другим, и я помнил, почему. Никогда еще я не вспоминал о смерти с такой ясностью. Я схватился за живот, чтобы убедиться, что там нет зияющей раны от меча...

Я был цел. Я был жив и чертовски зол.

Последний час еще не наступил, еще не наступил. Он только начинал происходить.

Ладно, нет, это было по-другому, это было неправильно, это было невозможно.

Казалось, что-то новое хочет сыграть. Низкое рычание, злобное и холодное, вырвалось из моего горла, а руки сжались в твердые кулаки.

Что за чертовщина творится со мной сейчас?

Я лежал в своей кровати, глядя на голубое небо через окно, размышляя о том, что только что произошло, и задумчиво постукивая пальцами по тонкому матрасу. Через мгновение я подошел к прикроватной тумбочке и взял свои очки.

Кожа на тыльной стороне ладони, по всей руке, вихрилась и растягивалась. Я определенно вернулся в начало - туда, где был всего час назад. И если мое тело все еще приспосабливалось, это означало, что боль от путешествия во времени наступит слишком скоро.

Я выругался и свалился с кровати на шаткие ноги, глубоко вздохнув и не обращая внимания на припухлость за глазами, зуд и нарастающее давление - все признаки грядущей агонии, - и, спотыкаясь, вышел из комнаты в ванную.

Зеленая фарфоровая раковина, которую я снял со стены не далее как час назад, была целой и не разбитой. Я посмотрел на себя в зеркало - все еще молодой, все еще новый, и все же моя плоть двигалась все быстрее и быстрее, не просто текла, а мчалась по моему телу. Это нервировало.

И, как оказалось, это было наименьшее из моих беспокойств.

Бок и грудь безумно чесались, и я стянула пижаму через голову, чтобы как следует рассмотреть кожу, когда давление за глазами стало переходить в боль.

«О, не может быть...» прошептала я, глядя на длинный шрам в форме полумесяца над сердцем. Кожа была белой и сырой, как будто недавно зажила. Готов был поспорить, что новый шрам идеально повторял изгиб лезвия, которым меня проткнули всего пять минут назад...

«Пять минут назад и один проклятый час спустя», - прошептал я. «Что могло сделать это...?»

Никогда - абсолютно никогда - я не переносил через время больше, чем свою душу и бесчисленные смутные воспоминания. Я не могу контролировать это, совсем не могу - сделка заключалась в том, чтобы получить еще один шанс, вернуться и попробовать снова. У меня не должно было быть нового шрама, потому что он принадлежал будущему, которое еще не наступило.

Временем нельзя было так манипулировать! Не против меня, не так!

Однако времени на раздумья у меня уже не было - боль от Возвращения настигла меня. У меня было несколько секунд, чтобы схватить полотенце для рук и сильно прикусить его, прежде чем мир взорвался белым ослепительным огнем, затмившим все мысли, все воспоминания, все время.

На этот раз я не стал выдирать раковину из стены - я вырвал этот бастард, и горячая и холодная вода брызнула на кафель и обои Дурслей. Я упал на колени, а с колен - на спину, прихватив с собой раковину.

Некоторое время я лежал, дергаясь, усталый и избитый. Это не должно было повториться так скоро. Я жалел, что это вообще произошло. Не то чтобы я предпочел умереть и остаться мертвым, но это становилось... тяжело.

И с каждым разом боль становилась все сильнее, намного сильнее. С каждым новым разом предыдущее путешествие становилось все более приятным.

Как они называют это чувство?

Знаете... это чувство, когда ты уверен, что уже был здесь, что все это уже было.

Дежа вю, не так ли?

Да... Жаль, что у меня нет подходящего ироничного комментария по поводу абсурдности

дежавю.

Я вроде как научился отгораживаться от него, если вы понимаете, о чем я. Я живу в почти постоянном состоянии дежавю, которое чаще всего кружит мне голову и лишает жизни всего удовольствия. То есть я знаю или могу довольно точно предположить, что произойдет дальше, - и где же тут веселье?

Однако все меняется, и не в лучшую сторону...

Ненавижу эту войну.

После нескольких минут, проведенных в судорогах на цветочных ковриках в ванной, мне удалось встать на ноги, и сквозь струи воды, расплескавшиеся перед зеркалом, я внимательно осмотрел себя.

Мои глаза кровоточили.

Из обоих глаз, словно капли слез, стекали сдвоенные реки крови, рассекая щеки и уголки губ. Что ж, все решено, теперь я был по-настоящему зол. И выглядел я достаточно устрашающе, чтобы подкрепить эту злость. Тем не менее я подставил руки под струю воды и вытер кровь, слегка поморщившись от боли в глазах. Не знаю почему - может, от напряжения, вызванного путешествием во времени, лопнуло несколько кровеносных сосудов или что-то в этом роде, - но они чертовски болели.

Я привел себя в порядок, как мог. В конце концов, мне предстояло поговорить с Тонкс, яблоки и розы, примерно через двенадцать минут. Я глубоко вздохнул, успокаивая дрожащие нервы.

Тварь, убившая меня, не должна была оказаться там, где оказалась, а рана, которую она мне нанесла, особенно через сердце, не должна была оставить шрам в прошлом... Я был не в своей тарелке - большая часть этих путешествий во времени была мне не по зубам. Я мог работать, пережить путешествие, но знать, как именно это работает, какие законы нужно соблюдать, а какие можно нарушать... тут я был в неведении.

«Оно специально выбрало меня», - пробормотал я, возвращаясь на лестничную площадку, чтобы одеться и продолжить день. «Флер тоже досталось, но только потому, что я стоял на пути...»

<http://tl.rulate.ru/book/126712/5321504>